

Я до сих пор помню то солнечное утро, когда вернулся в родовую кумирню. Воспользовавшись случаем, я решил пройтись по знакомой извилистой тропке — на душе сразу стало куда легче.

Под ярким солнцем Цзяннаня, среди синих кирпичей и темной черепицы, я напевал что-то себе под нос. Руки заложил за голову, шел, пританцовывая, с видом человека, которому море по колено. И пусть я знал, что впереди ждут смутные времена, в сердце все равно теплились мечты о прекрасном будущем. В такие моменты даже пейзаж вокруг кажется чудесным, словно у ребенка, который вот-вот узнает, какой подарок ему приготовили на день рождения, — я был полон надежд и ожиданий.

За красными воротами царил тишина. Пройдя сквозь густую бамбуковую рощу, я увидел кумирню, скрытую среди кипарисов, — даже здесь она сохраняла свой суровый, гордый облик. Мо Шанцин стоял внутри, один, словно ожидая, когда поднимется ветер и сгустятся тучи. Он держал руки в широких рукавах, глаза его были прикрыты, а на лице застыл холод.

— Ты... все-таки вернулся.

— Я, Сюй Тай, всегда держу свое слово и не из тех, кто отступает, — ответил я. — Шестнадцать лет — это был наш уговор. Я обещал тебе: когда вырасту, мы вместе...

— ...плечом к плечу пройдем по миру боевых искусств, — закончил он за меня.

Наша встреча спустя шестнадцать лет казалась сном. В этом сне я пережил столько расставаний и горестей, что не счесть. И вот, спустя шестнадцать весен и осеней, сон развеялся. Мы стояли друг напротив друга, не в силах подобрать слова, словно вернулись в те далекие дни, когда пили вино и играли на цине, чувствуя себя свободными странниками Мира Мрака.

— Память у тебя что надо, — хмыкнул я.

Он повернулся ко мне. В его глазах, отражающих целые галактики, сквозила такая нежность, что сердце дрогнуло. Он закусил тонкие, как лепестки персика, губы и прошептал:

— Каждое твое слово я помню.

— Перестань! Я лишь не хочу нарушить клятву и запятнать свое имя. А что ты обо мне думаешь — мне все равно. Мы не родня, не друзья, даже близко нет. Так, случайные прохожие, виделись пару раз, — я поспешно скрестил руки на груди, выставя перед собой знак запрета.

— Случайные прохожие... — повторил он, и в его холодных глазах промелькнула грусть.

— Ну да. Картину Трех Учений я тебе достану, твоего Чэнь Си тоже помогу найти. Все, что я делаю — это чтобы отплатить за то, что ты спас меня шестнадцать лет назад, и сдержать

обещание. Чистая жалость, не более того. Не думай, что ты мне так уж важен, и хватит напускать на себя таинственный вид.

На самом деле я все понимал, но ради собственного спокойствия мне приходилось играть роль гордеца.

Я подошел ближе и почувствовал, как от господина Шанцина, всегда славившегося своей сдержанностью, исходит легкий запах вина. Видимо, даже он в глубокие ночные часы, когда никто не видит, топит печаль в чаше.

— Чтобы найти правду, нужно сорвать старые шрамы. Ты выдержишь эту боль? И, Второй господин, ты правда вернулся? Сомневаюсь. Ты еще не понял, кто ты такой, и не осознал, какой тяжелый путь тебя ждет. Ты нашел себя лишь на время, нашел лишь того Сюй Тая, которого зовут Вторым господином. А еще есть Чэнь Си, Цзян Яньлань, Юй Цзин, Шесть врат... Все они ждут, когда ты вскроешь правду ценой собственной крови. Ты действительно готов идти со мной по такому опасному пути?

— Я... черт, самое худшее — упаду в яму. А если не выберусь, так построю там гнездо и буду жить! Не совсем понимаю, о чем ты — про Чэнь Си, Шесть врат и Картину Трех Учений, — но мой дядя сказал, что я — начало всей этой истории. И мне самому предстоит раскрыть то, что скрыто во тьме.

— Прости...

Видя, как он нахмурился, я не знал, что делать. Замявшись на секунду, я решил разрядить обстановку и, прищурив свои персиковые глаза, с усмешкой сказал:

— Да не за что извиняться! Это мой выбор, никто меня не заставлял. Ну и что, если упаду в яму? Даже если жизнь на кону — ты же будешь у меня подстраховкой! Я человек гордый, у меня столько амбиций, а применить негде. Так что этот путь по миру боевых искусств я с тобой точно пройду! Ну что, господин Шанцин, пошли домой?

В его глазах заблестели слезы, кадык нервно дернулся, он хотел что-то сказать, но лишь прошептал:

— Домой... где этот дом...

Я хлопнул его по плечу и, обняв за шею, решительно зашагал к выходу.

— Эх, ты же был таким умным! Шестнадцать лет прошло, ты что, мозги растерял? Где твой интеллект? О чем тут думать? Шестнадцать лет назад ты сам сказал: мы пойдем домой вместе. Забыл? А еще обещал помнить каждое мое слово, болтун!

— Я...

— Ладно, ладно! Пошли!

Обернувшись, я взглянул на портреты предков в главном зале. Мо Шанцин заметно расслабился, хотя в уголках его губ все еще таилась печаль. Он никогда не подводил Шесть врат. Глядя на изображения, он тихо произнес:

— Вернулся. Второй господин вернулся. Вы видите? Мо Шанцин наконец нашел вашего Второго господина... Но где же мой Чэнь Си?

Я шел впереди и, хоть слышал его бормотание, сделал вид, что ничего не заметил.

К вечеру стало прохладно. Мы вместе вышли из кумирни и остановились у входа. Огромная табличка из красного дерева с золотыми иероглифами гласила: Сюй. Моя фамилия, моя жизнь — здесь все началось, и, видимо, здесь все должно закончиться.

Вернувшись домой, я открыл перед ним дверь. Мо Шанцин замялся на пороге, оглядывая пустые комнаты, и с горечью спросил:

— Ты здесь один?

— Один? Ну да, один... — ответил я, на ходу прибираясь в комнате.

Я выпрямился и увидел, что он пристально смотрит на фотографию моей матери, словно встретил старого знакомого.

— Моя мама, — сказал я, отряхивая руки. — Ты должен был ее видеть, когда мы впервые встретились в похоронном бюро.

Он повернулся, и в его взгляде вновь промелькнула нежность.

— О прошлом больше ни слова. Давай к делу. Собирайся.

— Собираться? Куда?

— Ты думаешь, твой отец живет в шумном месте перед горой?

Он сел на диван, подняв облако пыли.

— Конечно нет, — ответил я с усмешкой, разведя руками.

— Тогда где, по-твоему? — он стал похож на учителя, который хочет, чтобы ученик сам дошел до ответа.

— Ну, раз это старый лис, значит, прячется там, где людей поменьше, — ответил я, гордясь своей догадливостью.

— Это Запретная земля Цзялань на горе Линъян, граница между миром живых и Миром Мрака. Не жди там ровных дорог: злые духи не будут мостить тебе путь. Там нет небоскребов и шумных улиц, только лавки с гробами и свечами. Там живут лишь Погонщики Душ да те, кто отправляется на перерождение в Мир Мрака, и кучи гниющих трупов. Знаешь, что нужно подготовить?

— Э-э... копыта черного осла? Но кто такой Погонщик Душ?

— Это профессия, вроде паромщика душ. Похоже на тех, кто занимается управлением трупами в Сянси, только те перевозят тела домой, а Погонщики Душ отправляют души в загробный мир. На задней стороне горы опасно.

— Столько лет прошло... Как отец мог выжить? Может, от него и костей не осталось.

Честно говоря, узнав, что старый лис живет в такой дыре, я даже испытал облегчение.

— Нет. Никто из живых не посмеет пойти против Шести врат, а тем более против клана Сюй.

— Вы столько говорите, но ничего не объясняете. Что такое Шесть врат? Что за Картина Трех Учений? — я был в полном замешательстве.

— Со временем поймешь, — он посмотрел на меня своим особым взглядом, в котором холод смешивался с нежностью, и поправил мне воротник. — Собирайся. Я не смогу вечно тебя защищать, ты должен научиться быть самостоятельным.

— Да? А мне пока и тебя хватает. И в будущем тоже хватит, — я впервые позволил себе неловкую шутку.

Вещи были собраны. Не знаю, где он достал оружие, даже контрабандное. Когда я спросил, откуда оно, он сказал, что познакомит меня с тем, кто егоставляет — старым другом моего отца, «верным псом», как его называют в определенных кругах, — Пятым господином Чаном.

Мы поехали вдвоем на одной машине. Я подкалывал Мо Юя, что такой всезнайка даже водить не умеет. Он ответил серьезно, что «нельзя забывать свои корни», из-за чего я всю дорогу

потешался над ним: «Ха-ха-ха, тогда садись на коня!»

Видя, что ему совсем не смешно, я притих. В конце концов, если нас остановит дорожная полиция и найдет оружие и военные ножи, будет не до смеха.

Я успокоился и, как это со мной часто бывало, после приступа веселья на меня нахлынула тоска.

— Шестнадцать лет... Ты все это время был один?

Он посмотрел на меня:

— Важно ли мое существование? Я как пушинка, лечу, куда ветер подует...

Я запнулся:

— Э-э... если бы не важно, стал бы я тебя ждать?

Он промолчал, и я сменил тему:

— Почему ты не стареешь? Ты что, бессмертный?

На его лице отразилось удивление, словно кто-то уже спрашивал его об этом много лет назад. Он почти судорожно выдохнул одно имя:

— Яньлань!

— Что? — я растерялся. — Яньлань? Это еще кто?

— Ох, — он будто очнулся и посмотрел в окно. Его смущение было очевидным, и он вернулся к теме: — Разве это хорошо? В глазах других я — Господин Защитник Учения, могущественный и великий. А на деле — несчастный, проживший триста с лишним лет. Я видел, как сменяются династии, видел, что ничто не вечно. Сколько господ я сменил? Я видел гибель правителя Цанъяна, распад Шести врат, страдания моего близкого друга Чэнь Си в колесе Реинкарнации, видел, как расцветал и увядал ваш клан Сюй... Я прошел через кровавые битвы и горечь разлук. И что мне остается? Перед лицом жизни, смерти и кармического воздаяния я бессилен.

— Господин Шанцин, а ведь ты хранишь в памяти столько людей.

Его лицо побледнело, ресницы дрогнули.

— Все, о ком я помню... в конечном счете, это всегда ты.

Я не ожидал, что мой праздный вопрос вызовет у него столько чувств, и не понимал, почему этот холодный человек так нежен именно со мной. Чтобы не давать ему продолжать этот сентиментальный разговор, я решил вытянуть из него еще хоть немного информации. Я чертовски хитер.

— Ты... прожил триста лет? — я был поражен.

— Я просто сирота, воспитанный учителями Шести врат. Согласно методам бессмертия из Картины Трех Учений, я был назначен Хуцзяожэнем, чтобы вечно охранять Шесть врат, — он говорил это не как отчет, а как признание.

— Значит, все это связано с Сюэюй? Шесть врат — люди оттуда? А Картина Трех Учений — это тибетские свитки?

— Шесть врат не оттуда, они просто пришли в Сюэюй вслед за Картиной... Об этом можно рассказывать бесконечно.

— Ну так рассказывай, пока не договоришь...

После этого он замолчал и больше не проронил ни слова. Что ж, мне пришлось смириться и слушать шум шин на шоссе да его размеренное дыхание, в котором угадывалась бесконечная, затаенная грусть.

<http://bllate.org/book/22324/2338174>